

дорвали... Пришелъ тараканъ съ топоромъ.—Комаръ увидалъ, испугался, понатужился, понапружился да самъ изъ грязи и вывернулся...

Летить Комаръ, во всю голову бунчить,—какъ въ трубу трубить... Прилетѣлъ къ боярину въ хоромы.

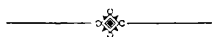
— Воля ваша,—докладываетъ,—а нѣтъ моей возможности воду возить... Того гляди, пропадешь ни за грошъ!.. Ужъ вы меня лучше отпустите.

Жалко стало боярину Комарика-сударика отъ себя отпускать, онъ и говоритъ:

— А ты наймись у меня въ пастухи...

Подумалъ, подумалъ Комарикъ-сударикъ да и говорить:

— Ну, что жъ... Ладно, бояринъ,—инъ будь по-твоему.

II. Комаръ-Пастухъ.

НАНЯЛСЯ Комаръ у боярина стадо его пасти...

Сталъ Комаръ опять въ чести... Пасеть Комаръ стадо на лугу, наигрываетъ въ трубу:

„Ту-ру, ту-ру пастушокъ,

„Поджидаетъ тамъ волчокъ,—

„Не води коровъ въ лѣсокъ...

„Онъ ухватитъ за бочекъ,

„Самъ Комаръ не отобѣтъ!..“

Однако, все шло довольно исправно. Волки про силу комариную не разъ слышали, удалъ его видали и потому его не трогали.

Да былъ въ боярскомъ стадѣ баранъ однобокій: ему бокъ на скотномъ дворѣ ошпарили. Задурилъ однобокій-баранъ,—и въ усъ не дуетъ, Комара ни въ грошъ не ставитъ:

— Знать не хочу,—мемекаетъ, вашего Комара!..

И убѣжалъ Баранъ въ зеленые лѣса, забился въ медвѣжьё берлогу и сидитъ посиживаетъ.

Пришелъ Медвѣдь, а Баранъ ему кричитъ:

— Не подходи, косолапый, убью!..

Опѣшилъ Михайло Топтыгинъ:

— Да ты кто таковъ?—спрашиваетъ.

— Да я —Баранъ-разбойникъ!.. Вотъ выскочу, вотъ выбѣгу, подѣну тебя на рога,—и крышка!..

Затосковалъ Медвѣдь, пошелъ къ Комару-пастуху.

— Что, — говоритъ, — Комаръ-пискунъ, забижаетъ меня вашъ

Баранъ-однобокій. Залѣзъ въ мою берлогу, да знай, куражится и меня въ домъ не впускаетъ...

Разсердился Комарикъ, распрогнѣвался, сударикъ,—сверкнулъ глазами, брови сдвинулъ, затрубилъ, забунчалъ во весь глосъ и говорить:

— Не тревожься, отецъ!.. Я тебя въ обиду не дамъ да и Барана проучу!..

Полетѣлъ Комаръ къ медвѣжьей берлогѣ.

— Иди, Баранъ, вонъ отсюда!..

А Баранъ въ отвѣтъ мемекаетъ:

— Вотъ выскочу, вотъ выбѣгу, поддѣну на рога,—и духъ вонъ!..

Залетѣлъ Комаръ въ берлогу, сѣлъ на шпаренный бокъ Барану,—сталъ хоботищемъ сверлить.

Не вытерпѣлъ Баранъ,—какъ вскочить на ноги, какъ выскочить изъ берлоги и пошелъ скакать по все-

му лѣсу къ стаду. А Комаръ такъ на немъ и доѣхалъ до дому.

Съ той поры—полно Барану-однобокому Комару грубить да не слушаться...

Вѣжливый такой сталъ, слова противъ никогда не скажетъ.

— То-то,—говорить Комаръ,—я шутить не люблю... Знай нашихъ!..

III. Комаръ-воитель.

ОБЫКНОВЕННО, кто больше кричитъ да жалуется—тотъ больше самъ другихъ обижаетъ!.. Это Комаръ увидалъ на Медвѣдѣ.

То, косолапый, кричалъ, что Баранъ-однобокій его обидѣлъ, а какъ пронюхалъ, гдѣ барское стадо пасется,—онъ туда и привалилъ.

„Вотъ,—думаетъ,—гдѣ мнѣ пожива-то будетъ!.. Комаръ-то—что,—развѣ это сторожъ?.. Такъ, канитель одна!..“

Подкараулилъ косолапый телку, изловчился да какъ выскочить, какъ зареветь:

— Стой, такая-сякая!.. Какъ ты смѣешь передъ самымъ моимъ хозяйскимъ носомъ брыки-взбрыкивать?..

— Ну, извините,—говорить телка.

— Нечего,—реветъ Мѣдвѣдь,—знаю я вашу сестру...

А самъ хватъ ее за шиворотъ и поволокъ въ лѣсную чашу...

Замычала телочка жалобно:

— Комарикъ миленькій!.. Иди сюда... Несетъ меня медвѣдь въ темные лѣса!..

Вскочилъ Комаръ-сударь на ножки рѣзвья, засвистѣлъ богатырскимъ посвистомъ, расправилъ крылья и летитъ на Медвѣдѣ грозой неминуемой...

— Стой,—вопить медвѣдю,—стой, толстопятый!.. Оскоромишься!..

Засмѣялся Медвѣль, башкой затрясъ:

— Такъ я тебя и послушалъ, комариная кость!..

Разобидѣлся Комарище, распрогнѣвался богатырище, надулся такъ, что, того и гляди,—лопнетъ,—да Медвѣдю въ ухо, какъ собака, и вцѣпился.

— Ахъ, чтобъ тебѣ!..

Цапнулъ мѣдвѣдь себя за ухо, въ кровь его разсадилъ, а Комаръ ему въ другое ухо впился:

— Вотъ я тебя!..—рычитъ медвѣдь, да цапъ себя за другое ухо,—опять—ничего!..

А Комаръ впился ему прямо въ носъ, оттуда—на лобъ сѣлъ, а тамъ—на переносицу... Самъ рычитъ отъ злости,—разыгрались, значить, комариныя кости, распалилось сердце богатырское...

Медвѣдь лапищами самого себя въ кровь деретъ,—то по щекѣ себя хлопнетъ, то по носу царапнетъ, то глаза... Да больно увертливъ пастухъ-то господскій,—изъ-подъ самага когтя медвѣжьяго вывертывается, да еще что—на самый кончикъ хвостика медвѣжьяго сѣлъ, какъ собака, зубами скрежешетъ...

Закружился Медвѣдь волчкомъ,—все норовить хвостъ свой поймать да Комару горло перервать.

А Комаръ на хвостъ сидитъ да спрашиваетъ:

— Почемъ, купецъ, шубу покупали? Ужъ и добротная же кожа у васъ,—всѣ зубы обломалъ!..

А Медвѣдю невмоготу стало... Ужъ онъ рычалъ, рычалъ, такъ что весь лѣсъ перепугалъ, а ужъ подъ конецъ и рычать пересталъ; грохнулся на землю да жалобно-жалобно повизгиваетъ... А Комаръ-то орудуетъ; комарище-то издѣвается:

— Что, старичокъ, тошно тебѣ?

— Отпусти, разбойникъ, душу на покаяніе!..

— А будешь телокъ таскать?...—допрашиваетъ Комаръ, а самъ—въ носъ ему хоботомъ...

— Ой, ой, ой!.. Не буду!..—састоналъ Медвѣдь...

— Ну,—говоритъ Комаръ,—ладно же, коли такъ... Повинную голову и мечъ не сѣчетъ... Хотѣлъ, было, я тебя удавить, разбойника,—да какъ же лѣсу безъ своего собственнаго Медвѣдя оставаться... Такъ и быть, живи пока!.. Только—чуръ!—уговоръ пуще денегъ: не смѣтъ господское стадо трогать, даже коутемъ единымъ.

— Ваше благородіе, Комарикъ Востроносичъ,—плачется Мишка косолапый,—глазомъ даже въ ихъ сторону не поведу, а не то что—насчетъ какого тамъ озорства!..

Затрубилъ Комаръ во весь хоботъ, забунчалъ во всю комариную глотку, расправилъ лапки, такъ что кости на весь лѣсъ затрещали,—и полетѣлъ къ своему стаду, а телку впереди себя погналъ... Летитъ Комаръ и трубитъ на всѣ окрестныя поля:

„Летитъ Комаръ воитель,

„Летитъ онъ лють, какъ звѣрь!..

„Вы, люди, не хотите ль

„Почтить его теперь!..

„Тру-ру, ту-ру, тру-ру, тру-ру,—

„И честь, и слава Комару!..“

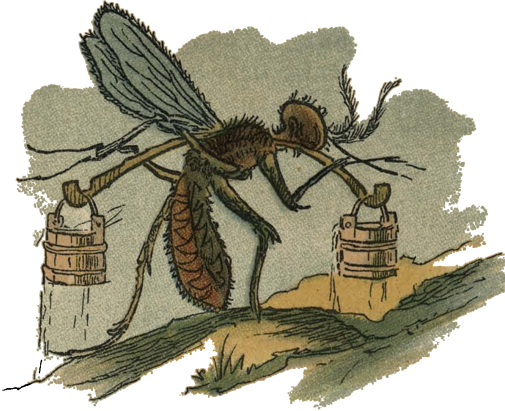
IV. Комаръ на пиру.

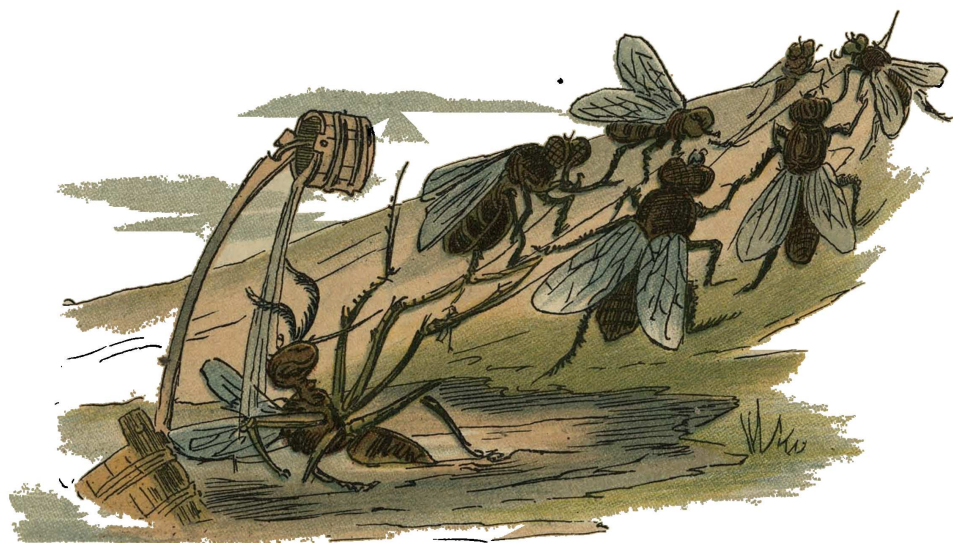
У ПОШЛА ходить слава про храбраго Комарика-сударика, какъ одолѣлъ онъ Медвѣдя-воеводу, какъ сердце свое сдержалъ да помиловалъ лежачаго. Услышалъ и бояринъ про своего работника такія вѣсти, кликнулъ его къ себѣ и спрашиваетъ:

— Что это я, братецъ, какія вѣсти про тебя узнаю!.. Правда это, что ли, или хвастаешь ты только?...

Усмѣхнулся Комарикъ, приосанился сударикъ, грудь колесомъ выпятилъ, ножкой о полъ постукиваетъ:

— Не хвасталъ я, бояринъ, а твоё добро защищалъ, живота своего не щадилъ. А за обиду твою напрасную,—хочешь, иску-

саю я тебя до полусмерти, такъ что возмолишься ты не хуже того самого Медвѣдя?..

Испугался бояринъ.

— Что ты, что ты,—говорить,—да развѣ я могу сомнѣваться въ тебѣ?.. Ты скажи мнѣ только, добрый молодецъ, чѣмъ мнѣ тебя пожаловать,—платьемъ ли цвѣтнымъ, золотой ли казной, либо скатнымъ жемчугомъ?..

— Не нужно мнѣ, бояринъ, ни платья цвѣтного, ни другого какого добра твоего... А дай-ка ты мнѣ, удалому молодцу, три капли крови твоей сладкой да дочь твою замужъ за меня!..

Испугался бояринъ и говорить:

— Кровь—пей, а дочери отдать не могу. Она у меня просватана!.. Да и званья ты не нашего, не боярскаго, а самого простого. Не гоже намъ съ тобою породниться...

Опечалился Комаръ, повѣсилъ буйную голову пониже плечъ и говорить боярину:

— Обидѣлъ ты меня горько, бояринъ,—и заѣлъ бы я тебя до смерти, да не доѣды мнѣ теперь. И не слуга я тебѣ больше... Прощай, бояринъ. Миръ сему дому, пойдемъ къ другому...

Сталъ, было, бояринъ его уговаривать всячески, упрашивать,—ничего не выходитъ, уперся Комаръ на своемъ, хоть колъ на головѣ у него теши!..

Взялъ онъ свои гуселышки звончатая, заигралъ на нихъ, завелъ пѣсню:

„Не шуми ты, мать зеленая дубравушка,
„Не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думати!..“

И что больше пѣлъ Комаръ,—то больше надрывалось сердце его молодецкое. Самого боярина слеза прошибла: тронула и его горедольная судьбина комарина...

У. Комаръ въ лѣсу.

МЕТАЛЪ, леталъ Комаръ съ горя по лѣсу по дремучему и все про свою долю злосчастную нылъ... Наладить гуселышки звончатая и заводить пѣснь да такъ, что подъ сердце подкатываетъ жалость къ нему.

И повстрѣчалъ Комарикъ-сударикъ во время странствованія своего въ лѣсу Медвѣдя, котораго онъ проучилъ еще пастухомъ

будучи. А Медвѣдь ужъ о ту пору не одинъ въ лѣсу жилъ, а съ человѣкомъ-отшельникомъ, въ лѣсной избушкѣ... Пролеталъ Комаръ мимо, злой да голодный, и видитъ,—около избушки отшельникъ спитъ, а рядомъ Медвѣдь на корточкахъ сидитъ и его покой охраняетъ...

Увидаль Комарикъ-сударикъ своего пріятеля, затрубилъ, забунчалъ, что есть мочи:

— Здорово, пріятель!.. Какъ живешь-можешь?

Испугался Медвѣдь, да потомъ опаматовался: „Что жъ, теперь ему не страшно,—не одинъ онъ, а съ человѣкомъ. Авось вдвоемъ-то они Комара одолѣютъ!..“

— Благодаримъ покорно, — буркнулъ Медвѣдь, — на добромъ словѣ... Проходи мимо,—видишь, мнѣ недосугъ!.. Такъ-то!..

Разозлился Комаръ на него, даже весь затрясся отъ злости и загнулсилъ во весь голосъ:

— Ахъ, ты, косолапый!.. Нѣтъ, чтобы меня, разбойника, за столъ усадить, напоить, накормить, въ баньку свести, да выпарить, да на печку спать уложить, а ты вотъ какія словеса говоришь!.. Дай срокъ, поужинаю, закушу,—да тебя и задушу!..

А самъ сѣлъ къ отшельнику на лобъ и давай ужинать... Увидаль Медвѣдь, что обижаетъ Комаръ-разбойникъ его пріятеля да еще его озорными рѣчами позорить,—сгребъ онъ въ лапы камень, что ни есть больше, намѣтился, да какъ бухнетъ камнемъ отшельника въ лобъ,—вотъ, молъ, тутъ Комаръ и ножки протянетъ...

Да увернулся Комаръ-тоскунъ, взлетѣлъ на дубовый сукъ и зарычалъ на Медвѣдя:

Ахъ, ты, такой-сякой!.. Вотъ расправлю я ножищи, наострию хоботище,—узнаешь ты, какъ этакія шутки съ Комарикомъ-сударикомъ зашучивать!..

И такой страхъ Медвѣдя охватилъ, что бросился онъ бѣжать, сломя голову, по лѣсу частому,—только его и видѣли...

И прошла славушка худая про Комара по всему лѣсу, что онъ отшельника убилъ, Медвѣдя до полусмерти заѣлъ.

Пріѣзжалъ становой, урядники, староста да понятые,—хотѣли Комару лапы скрутить за спину; какъ вцѣпится онъ имъ въ носы, какъ начнетъ ихъ за носы трепать,—они и свѣту не взвидѣли, скорѣе домой поворотили, и всю бѣду на Медвѣдя свалили. Сняли съ Медвѣдя шкуру, а онъ и умеръ съ перепугу...

И пуще прежняго страху на всѣхъ Комаръ-разбойникъ навелъ,—и не было въ округѣ разбойника страшнѣе Комарика-сударика, Комарища-тоскуна, Комаровича-пискуна!..

VI. Комаръ на пирѹ.

А БОЯРИНЪ, и точно, о ту пору дочку свою просваталъ и свадьбу сыгралъ. И заводилъ онъ, ласковый, на ту пору, на то времячко хорошъ-почестный столъ; созывалъ онъ со всего околотка гостей, и Комара потѣшилъ: пригласилъ и его къ себѣ за столъ...

Прилетѣлъ Комаръ-богатырь на пиръ званный, а гости ни живы, ни мертвы сидятъ, его боятся...

Пошелъ Комаръ озорничать: кому на носъ ни сядетъ, кого ни куснетъ,—никто отъ него и отмахнуться не смѣй!.. А Комару-разбойнику это-то и любо!..

А какъ пошла старая боярыня съ женихомъ плясать,—не стерпѣлъ Комаръ,—грязнулъ шапку о полъ да какъ топнетъ, и пошелъ гоголемъ по горницѣ похаживать.

Гости ахаютъ, дивуются, женихъ ротъ разинулъ, да не даль дороги Комарику-сударику, а тотъ ему ногу лапой и отдалилъ.

Свѣту женихъ не взвидѣлъ, захохалъ, застоналъ,—въ пору хоть крикомъ кричать да костоправа звать...

— Что ты, зятюшка? Что ты, родненькій?—спрашиваетъ его боярыня ласковая.

А женихъ говорить тещѣ-то:

— „Ой, барыня, не могу,
„Сударыня, не могу!

„Ступилъ Комаръ на ногу,—
„Всю ноженьку отдалилъ,

„Всѣ суставы разломилъ!..“

Вотъ какія непріятности вышли на свадьбѣ. А Комарику-сударику—слово скажи,—разобидится и такихъ дѣлъ надѣлаетъ, что и въ годъ не расхлебаетъ!..

VII. Какъ Комарику-сударику сватался.

СМОТРѢЛЪ, смотрѣлъ Комарику-сударику, какъ вокругъ него всѣ живутъ—и люди, и животныя, и каждая птаха поднебесная, и его братья-мошкara, и раздумался горько:

„Что жъ,—думаетъ,—я за обѣзвокъ въ полѣ?.. Всѣ семьей обзаводятся. Только я одинъ—сирота-сиротой живу!“...

И надумалъ Комарику-сударику жениться. Полетѣлъ Комаръ не-